

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

ФРАНСУА РАБЛЕ
Гаргантюа и Пантагрюэль

Перевод с французского

Москва 2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
P12

Перевод с французского *Н. М. Любимова*

Стихи в переводе *Ю. Корнеева*

Вступительная статья *А. Дживелегова*

Примечания *С. Артамонова*

Иллюстрации *Гюстава Доре*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ
Гюстава Доре

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление *И. Саукова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
к роману *Гюстава Доре*

Рабле, Франсуа.

P12 Гаргантюа и Пантагрюэль : [роман] / Франсуа Рабле ;
[пер. с фр. Н. М. Любимова, Ю. Б. Корнеева]. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 800 с. : ил.

ISBN 978-5-699-76262-0 (Библиотека всемирной литературы)

ISBN 978-5-699-90914-8 (Шедевры мировой классики)

Роман великого французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — крупнейший памятник эпохи французского Ренессанса. Книга построена на широкой фольклорной основе, в ней содержится сатира на фантастику и авантюрную героину старых рыцарских романов.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-76262-0
ISBN 978-5-699-90914-8

- © Любимов Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2016
- © Корнеев Ю., перевод на русский язык стихов.
Наследники, 2016
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Содержание

А. Дживелегов. РАБЛЕ

7

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

Пер. Н. Любимова

ПОВЕСТЬ О ПРЕУЖАСНОЙ ЖИЗНИ
ВЕЛИКОГО ГАРГАНТЮА, ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ,
НЕКОГДА СОЧИНЕННАЯ МАГИСТРОМ АЛЬКОФРИБАСОМ НАЗЬЕ,
ИЗВЛЕКАТЕЛЕМ КВИНТЭССЕНЦИИ

22

ПАНТАГРЮЭЛЬ, КОРОЛЬ ДИПСОДОВ,
ПОКАЗАННЫЙ В ЕГО ДОПОДЛИННОМ ВИДЕ
СО ВСЕМИ ЕГО УЖАСАЮЩИМИ
ДЕЯНИЯМИ И ПОДВИГАМИ

158

ТРЕТЬЯ КНИГА
ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И РЕЧЕНИЙ
ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ, СОЧИНЕНИЕ
МЭТРА ФРАНСУА РАБЛЕ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

277

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА
ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И РЕЧЕНИЙ
ДОБЛЕСТНОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ

446

5

Пятая, и последняя,
книга героических деяний и речений
доброто Пантaгрюэля, сочинение
доктора медицины мэтра Франсуа Рабле

619

Примечания

737

РАБЛЕ¹

1

Рабле был величайшим художником французского Ренессанса, быть может, величайшим французским писателем всех времен и одним из величайших гуманистов Европы. Роман его стоит у высокого подъема ренессансной волны, как «Божественная комедия» Данте стоит у истоков Ренессанса. Рабле наносил старине мощные удары. Он оборонялся, маскировался, маневрировал и, несмотря на жесточайший натиск реакции, сумел — это было нелегко — не попасть на костер. Он спас, таким образом, свою книгу и завещал ее родине и человечеству как арсенал смертоносного оружия против врагов идейного прогресса и человеческой свободы.

Франсуа Рабле (род., вероятно, в 1494 г., ум. в 1553 г.) родился в Шиноне. Он был младшим сыном мелкого судебного чиновника. В 1510 году поступил во францисканский монастырь и до 1524 года пробыл монахом в Фонтене-Леконт. Там же он принял сан священника.

Он легко одолел латынь, принял за греческий, вступил в переписку с главою французских гуманистов Гильомом Бюде. В бенедиктинском аббатстве в Мальезе его поддерживала дружба с местным епископом д'Эстиссаком. Он стал отдавать все больше и больше времени естествознанию и медицине. В 1528 году — пока еще с разрешения духовного начальства — он отправился в Париж, а оттуда уже самовольно дальше, все с той же целью.

Это была еще пора терпимости. Разбитый при Павии вождем католической реакции Карлом V, королем испанским, взятый в плен, освобожденный на очень тяжелых условиях, Франциск I стремился к сближению с немецкими протестант-

¹ Статья выдающегося литературоведа А. К. Дживелегова печатается с незначительными сокращениями.

скими князьями и проводил у себя либеральную религиозную политику. Теперь Рабле мог более свободно отдаваться своим занятиям. Сначала он попал (1530 г.) в Монпелье, где читал лекции, следуя доктринам Гиппократ и Галена, и зарабатывал себе на пропитание то как врач, то как священник. В 1532 году он уже в Лионе — врачом большой больницы. Отсюда он завязал отношения с Эразмом. Здесь же он начал печататься. В следующем, 1533 году, появилась под псевдонимом Alcofribas Nasier (анаграмма его имени) первая часть «Пантагрюэля» — «Ужасающие и устрашающие деяния и подвиги знаменитейшего Пантагрюэля».

Толчком, побудившим Рабле взяться за эту тему, было появление народной книги под заглавием «Великие и неопределимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа», которой, как сообщает Рабле, «в два месяца было продано столько, сколько не купят Библий за девять лет». Главный интерес этой книги составляла, с одной стороны, ее широкая фольклорная основа, с другой — содержащаяся в ней явная сатира на фантастику и авантюрную героиню старых рыцарских романов. То и другое, без сомнения, привлекало Рабле, который решил использовать канву лубочного «Гаргантюа». «Пантагрюэль» был задуман как продолжение народной книги, сохраняющее до некоторой степени стиль и имитирующее наивную эпичность оригинала: тот же сюжет, те же великаны, но совершенно иной смысл и совершенно иное настроение.

Имитация очень скоро начинает перебиваться ироническим отношением к рассказываемым событиям, постоянными нападениями на католицизм. В то же время Рабле подчеркивает, что настоящая проповедь Евангелия должна совершаться «чисто, просто и полностью», то есть так, как у протестантов, притом у протестантов до кальвинистских, не имевших еще официальной церкви. Когда Кальвин создаст свою общину в Женеве и начнет угнетать свободную веру не хуже римского папы, Рабле и его поднимет на смех.

Есть в «Пантагрюэле» и другое, что ярче и полнее всего выражено в VIII главе, содержащей знаменитое письмо Гаргантюа к сыну, подлинный манифест французского Ренессанса. Это — восторженный гимн новому знанию и новому просвещению.

Первая поездка в Италию расширила кругозор Рабле и помогла ему создать нечто гораздо более зрелое.

В 1534 году в Рим с посольством короля Франциска приехал из Франции епископ Жан дю Белле. Его сопровождал в качестве врача Рабле.

Первая поездка Рабле в Италию была непродолжительна. Он выехал из Лиона в январе 1534 года, в Риме пробыл до 1 апреля, на обратном пути побывал, по-видимому, во Флоренции и вернулся в Лион 18 мая. Вернувшись на родину, Рабле напечатал еще один том своей эпопеи, где вернулся к тем же вопросам, которыми занимался в «Пантагрюэле», и поставил ряд новых. Вторая часть была озаглавлена: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля»; она вышла еще в 1534 году и сделалась таким образом первой книгой романа, отодвинув «Пантагрюэля» на место второй книги.

В прологе к «Гаргантюа» Рабле рекомендовал читателю путем внимательного чтения и усиленного размышления «разгрызть кость и высосать оттуда мозговую субстанцию» его рассказа, разгадать «пифагорейский символ», то есть тайную его мысль по вопросам «религии, равно как политики и домоводства». Из этих вопросов особенно существенными представляются нам три: о воспитании Гаргантюа, о войне между королем Пикрохолом и Грангузье, отцом Гаргантюа, и о Телемском аббатстве.

Король Грангузье поручил воспитание своего сына схоластам и богословам, людям старой культуры и старой науки, для которых буквоедство было главным содержанием всякого образования. Они заставляли его зубрить так, чтобы он, начиная от азбуки и кончая серьезным трактатом, мог говорить все без запинки наизусть, не интересуясь смыслом. Мальчик ничему не научился. Тогда посоветовали королю пригласить людей иного образа мыслей. Обучение Гаргантюа было отнято у схоластов и поручено гуманистам. И здесь, в главах, которые посвящены обучению Гаргантюа гуманистами, Рабле раскрывает свои идеалы.

Основные принципы педагогики, получившие совершенно художественное выражение в романе Рабле, вполне соответствовали принципам итальянских гуманистов, Эразма Роттердамского и других представителей европейского гуманизма.

Рабле положил в основу общественного воспитания два принципа. Во-первых, человек должен получать не только умственное образование, но и физическое воспитание: ум и тело должны развиваться одновременно, параллельно и гармонично. Во-вторых, ни одна система воспитания и образования не может быть сколько-нибудь успешной, если в ней не чередуются различные дис-

циплины и если эти различные дисциплины не перемежаются — как освежающим моментом — отдыхом. Лучше всего ставить систему образования так, чтобы воспитываемый не различал, где начинается учение и где кончается отдых, и лучше всего, когда отдых и учение так чередуются между собой, что и то и другое воспринимается с большой радостью для воспитываемого. Это точка зрения всей новой культуры, и этими принципами живет здоровая педагогика до сих пор.

Рассказывая о войне с Пикрохолом, Рабле излагает свои мысли по основным вопросам политики. Что представляет собой Пикрохол? Это типичный король-феодал, который все свои надежды возлагает на грубую физическую силу, который не считается ни с какими принципами в области права и управления. В конце концов Пикрохол был побежден и войско его разбито.

Монах, брат Жан, совершил в войне с Пикрохолом подвиги и должен был получить за это награду. Когда у него спросили, что он хочет, он ответил, что хотел бы, чтобы для него создали монастырь, не похожий на все другие. Такой монастырь был создан в Телеме. Что же хотел сказать Рабле утопической картиной Телемского аббатства?

Феодалному Средневековью было незнакомо понятие свободы. Итальянские гуманисты уже давно требовали свободы для человека. Гуманизм доказывал, что человек в своих чувствах, в своих мыслях, в своих верованиях не подлежит никакой опеке, что над ним не должно быть чужой воли, мешающей ему чувствовать и думать, как хочется. Рабле расширил это понятие. Рабле создал картину большой группы людей. Телемское аббатство он рисует не то как огромный город, не то как маленькое государство, где из жизни устранено всякое принуждение, внутреннее и внешнее, и не только для мыслей и чувств, но и для действий. Внутреннего принуждения нет, ибо таков режим. Внешнего нет, ибо государство, которое может осуществить принуждение, отказалось от своих прав. Живи, как хочется. Провозглашенная свобода не для индивидуума только, а для целого большого общежития. Напрашивается дальнейший вывод: если существуют и могут существовать такие общежития, для которых не писан закон о принуждении, то и все существующие общежития — город, общество, государство — тоже могут быть свободными, и для них может быть устранено всякое принуждение. Это не анархия: это определенная борь-

ба против системы принуждения, в которой жило феодальное общество.

Дальнейшая работа над романом затормозилась вследствие перемены в религиозной политике Франциска I. Началось бешеное преследование лютеран и свободомыслящих, запылала костры. Многие гуманисты поспешили опубликовать декларации, в которых они отмежевывались от «еретических» мнений. Многие сочли благоразумным переменить местожительство. В их числе был Рабле. Он снова уехал в Италию, опять вместе с Жаном дю Белле, который к тому времени стал кардиналом.

Теперь интересы Рабле неожиданно направились в другое русло. Живя в Риме, где папу Климента VII сменил Павел III, Рабле имел возможность близко присмотреться к папскому хоаяйству и нашел здесь много для себя интересного. В частности, он обнаружил в папском огороде и фруктовом саду немало овощей и плодов, нигде тогда еще не известных в Европе. Рабле стал собирать и изучать эти неизвестные ему семена и образцы их отослал во Францию.

Рабле вернулся, таким образом, к своим естественно-научным интересам и занимался в это свое пребывание в Риме, которое тянулось месяцев семь-восемь (от августа 1535 до апреля 1536 г.), преимущественно ботаникой. Не забывал он и другого. Археология Рима продолжала и в этот приезд привлекать его внимание. Немало времени ушло на устройство важного для него личного дела: он добился у папы прощения за самовольное оставление бенедиктинского монастыря.

В 1537 году Рабле получил в Монпелье степень доктора и теперь практиковал как врач на юге Франции. У него завязываются отношения с королем Франциском. В середине июля 1538 года он оказывается в королевской свите в день свидания Франциска с Карлом V в Эгморте. Это свидание было устроено стараниями папы Павла III, обеспокоенного успехами реформационного движения и пытавшегося наладить для борьбы с ним соглашение между двумя сильнейшими католическими монархиями. Соглашение состоялось, и с этого дня эра терпимости во Франции окончательно отошла в область преданий. Репрессии усилились. Сорбонна оказалась снова в чести, и для всякого человека, который имел основания опасаться ее, вставал вопрос о том, как себя обезопасить. Обе книги Рабле — и «Пантагрюэль» и «Гаргантюа» — были осуждены: сорбоннисты были достаточно умны, чтобы понять, как опасен им Рабле. Правда, он был рекомендо-

ван королю лицами, которым Франциск доверял. Но этого Рабле казалось мало, и он считал, что нелишним будет принять меры к спасению того, что можно было еще спасти из своих писаний. Он начал с того, что пересмотрел обе свои «грешные» первые книги. В 1542 году он напечатал их вместе, в том логическом порядке, в каком они должны были следовать одна за другой: сначала «Гаргантюа», потом «Пантагрюэль». В этом издании он смягчил нападки на богословов Сорбонны и убрал места, которые могли дать повод к зачислению его в протестанты.

В 1540–1542 годах Рабле находился в Пьемонте, при дворе брата кардинала дю Белле, а в 1545 году получил от короля привилегию на дальнейшее издание «Пантагрюэля», что было далеко не лишним, так как Сорбонна уже точила на него когти. «Третья книга», сравнительно невинная, вышла в 1546 году. В ней Рабле совершенно отказался от глумления над Сорбонной и даже (гл. 29) погладил слегка по головке «добрых богословов» за то, что они «искореняют ереси» и «внедряют в сердца человеческие истинную... католическую веру». Ему нужно было помириться с Сорбонной и добиться если не благословения ее – на это рассчитывать было трудно, – то по крайней мере ее нейтралитета. Единственное, что Рабле позволял себе по-прежнему, – это насмешки, порою достаточно злые, над монахами. Но это была такая ходячая монета в те времена, что без нее не обходилась, можно сказать, ни одна новелла, и самые суровые духовные цензоры не очень сердились на выходки этого рода. Плодами предосторожности были в значительной мере план и сюжет «Третьей книги».

Эту книгу можно было бы озаглавить «Панург», ибо беспутный друг Пантагрюэля выдвигается в ней на первое место, а его неудержимое желание жениться определяет весь сюжет. Строя таким образом книгу, Рабле получил возможность почти совершенно устранить элементы ироикомического эпоса с великанами в качестве главных персонажей. Пантагрюэль становится скорее фоном повествования, чем его протагонистом. Он все время присутствует, но динамику рассказа создают не его интересы, а интересы Панурга. Проблема Панурговой женитьбы дает повод Рабле блеснуть сокровищами своей учености: филологической, философской, юридической, естественно-научной. Вопрос о женитьбе перерастает в вопрос об отношениях между мужчиной и женщиной, в анализ общественной и культурной роли женщины. Пантагрюэль рекомендовал Панургу обратиться за советом к бо-

гослову, врачу, философу и юристу. А еще раньше Панург уже обращался к астрологу и поэту, вопрошал сивиллу, а после четырех ученых консультаций решил, в согласии с Пантагрюэлем, ехать в Китай и спросить там мнение оракула Божественной Бутылки. Советы, которые с разных сторон даются Панургу, так нелепы и смешны, советчики представляют собой такую великолепную галерею человеческой глупости, особенно лжефилософы схоластической школы — ими еще раз с большим увлечением занялся здесь Рабле, — что эти страницы новой его книги сделались яркой картиной мертвой и уже неспособной воскреснуть феодальной культуры.

Однако все меры предосторожности, принятые Рабле, не помогли. «Третья книга» была осуждена Сорбонной так же, как и обе ее предшественницы. Времена были тяжелые. Инквизиция свирепствовала. Вскоре после выхода «Третьей книги», в том же 1546 году, на площади Мобер в Париже был сожжен старый соратник и друг Рабле Этьен Доле, которого, несмотря на недавнюю размолвку, он ценил и уважал. На королевскую защиту полагаться было трудно. Франциск, который знал Рабле, был болен, и его смерти можно было ждать каждый день. В следующем году он умер, а с преемником его, Генрихом II, у Рабле никаких связей еще не установилось. Рабле решил, что будет благоразумнее не испытывать судьбу и до лучших времен скрыться из Парижа, куда он приехал, чтобы следить за печатанием книги. Он переехал за границу и нашел приют в Меце, где стал работать врачом. Кардинал дю Белле поддерживал его материально, а в августе 1547 года взял его снова с собой, в третий раз отправившись в Италию. Уезжая, Рабле оставил своему лионскому издателю ту часть «Четвертой книги», которая была у него готова. Она вышла в свет в 1548 году.

В Италии Рабле пробыл на этот раз довольно долго, до ноября 1549 года. Он общался там с гуманистами, писателями, художниками, дипломатами, пополнял свое образование, описывал празднества, устраиваемые в Вечном городе его кардиналом. А когда он вернулся во Францию, мрачная атмосфера сильно прояснилась.

Одна за другой последовали смены на престолах, французском и папском. Павлу III наследовал Юлий III, и очень скоро стал обостряться начавшийся еще до нового папы конфликт между Парижем и Римом по поводу раздачи французских бенефициев курией и связанных с нею темных банковских махина-

ций. Курия и, следовательно, папа все более становились в положение врага, с которым нужно было бороться всяким оружием, в том числе и идеологическим.

По этому случаю покровители Рабле — в их числе появились кардиналы Шатильон и Лотарингский, через которых он перешел на положение клиента могущественных домов Колиньи и Гизов, — в удобный момент напомнили Генриху II о Рабле и об услугах, оказанных стране писателем при его отце. Положение Рабле сразу улучшилось. Теперь уже и кардинал дю Белле мог покровительствовать ему более открыто: в январе 1551 года он дал ему место кюре в Медоне, близ Парижа, связанное с хорошими доходами. Это был обычный в те времена бенефиций, не требовавший фактического исполнения священнических обязанностей. Все свое время Рабле мог теперь тратить на ученые и литературные занятия. Он кончал «Четвертую книгу», которая была полностью напечатана в силу новой королевской привилегии, выхлопотанной кардиналом Шатильоном в 1552 году.

Пока книга печаталась, ситуация для Рабле была такова, что он мог не особенно бояться нападков. Сорбонна угрюмо молчала, а лаяли только озлобленные от усердия шавки, вроде монаха Габриэля де Пюи-Эрбо, который написал на него беззубый донос в 1549 году. Очень показательно то, что год спустя напал на него и Кальвин в памфлете «О соблазнах». Для «женевского папы» было особенно опасно вольнодумство Рабле, который поднимал на смех всякое принуждение в области религии. С такими противниками Рабле не страшно было схватиться. И монаху, и Кальвину в «Четвертой книге» посвящено несколько злых и остроумных сентенций.

Уже в той ее части, которая была опубликована отдельно, было несколько обращавших на себя внимание эпизодов. Пантагрюэль с Панургом и другими сподвижниками совершают на корабле паломничество к оракулу Бутылки и по дороге попадают на разные острова, где их ждут всякие приключения. Общественная сатира почти безмолвствует в той части книги, которая вышла отдельно. В нее попал только один эпизод с землей Прокурацией, приютом Ябедников — первый набросок сатиры против судов и судейских, предвещающий более резкую атаку на них в эпизоде «Пушистых Котов» «Пятой книги». Он открывает ряд все более злых сатирических аллегорий следующих частей и вставлен заново словно затем, чтобы показать метод, которому Рабле будет следовать в более серьезных нападках на пороки и изъяны современной ему жизни.

В этой первой части «Четвертой книги» имеются два превосходных описательных эпизода, ставших знаменитыми. Первый — это «Панургово стадо». Мотив его заимствован у итальянского, писавшего по-латыни поэта XVI века Фоленго, из его ироикомической поэмы «Бальдус» (проделка Чингара, одного из героев поэмы), но он развернут в великолепную картину, полную острого реализма и глубокого психологического проникновения. Второй эпизод — описание бури, в котором мы находим не только величественную панораму разбушевавшейся стихии, но и ряд тонко и мудро подмеченных черт, раскрывающих образы героев эпопеи — Пантагрюэля, Панурга, брата Жана, Эпистемона.

Возможно, что, когда кардинал Шатильон передавал Рабле королевскую привилегию на печатание «Четвертой книги», он или кардинал дю Белле разъяснили Рабле, что почтительности по отношению к папе от него сейчас меньше всего будут требовать. Во всяком случае, Рабле писал так, как если бы он чувствовал, что узда с него снята и он может говорить все, что угодно. Его сатирические аллегории от главы к главе били сильнее.

Задача, которую Рабле поставил себе, была выполнена блестяще. Но и труд и талант великого писателя не пошли ему на пользу. «Четвертая книга» вышла в феврале 1552 года, а в апреле король заключил мир с папой. Признаки такого поворота появились уже и раньше. Рабле, по-видимому, об этом знал и, вероятно, перед самым появлением в свет книги счел благоразумным еще раз скрыться. Недаром в конце 1552 года в Лионе ходили слухи, что он арестован и посажен в тюрьму. Попытки добиться верных сведений о нем в Париже не привели ни к чему. Рабле исчез. Книга была, как и три ее старшие сестры, осуждена. Но едва ли сам Рабле подвергся репрессиям. Он умер в Париже и там же похоронен во второй половине 1553 года.

В 1562 году появилась в печати частично, под заглавием «Остров звонкий», а в 1564 году целиком — «Пятая книга». В ней самому Рабле принадлежит не весь текст.

2

Рабле — не только самый яркий выразитель культуры французского Ренессанса. Искусство Рабле, подобно искусству всякого большого художника, вскормлено и вспоено искусством народным. Сюжет его книги взят из народной, лубочной литературы: у него фольклорные корни. Язык ро-